

Бабай-друид

МСТИГОЙ

18+

Бабай – друид Мстигой-1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41605678

SelfPub; 2021

Аннотация

Жил себе мужик, не тужил. Да свалилась напасть – жену с детьми похитили средь бела дня да хату подпалили... Не злите северного мужика, особенно если он – первый воин Ордена...

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бабай – друид Мстигой-1

1

Лихим налётом, поднимающим клубы пыли с проезжей проселочной дороги, конный разъезд дюжины воинов почти налетел на путника, лишь в последний момент затормозив и скучившись на гарцующих и роняющих пену с морд лошадях.

Помахивая перед лицом нагайкой от пыли, старший разъезда прорычал путнику, одетому в серый дорожный плащ с капюшоном:

– Кто таков..!? Почему не знаю!?

Путник, мужик примерно трех дюжин лет, но с совершенно седыми волосами на бороде, усах и голове в целом, отступил на пару шагов назад себя от гнавших прямо на него ветерком клубов пыли, не смутился резкостью слов старшего воина, а посмотрел прямо ему в глаза:

– Здравия, вам, воины и хозяева. Позволь со всем вежеством, о вой, узнать – как к тебе обращаться..? Назови, будь добр, своё имя или прозвище...

– Какие еще «хозяева», черныш-находник!? Сам назо-

вись! Какого роду-племени и куда идешь? Где твоя «подорожная грамота»? Покажь...

Путник помедлил немного и, со всей очевидностью намеренно раздельно проговаривая слова, начал отвечать:

– Я – помор и изгой. У меня нет имени и нет больше рода. Но можешь называть меня – Мстигой. Куда иду – не ведаю. Миром иду. А «подорожная грамота» мне не ведома – по што.

Конный старшой удивленно посмотрел на своего подручного, что успокаивал своего ретивого жеребца, так и не смирившегося с такой внезапной остановкой скачки и гарцующего на месте, но тот был слишком занят своим конем.

– Вона как, значитца... помор... да ще и изгой... Тоды путь тебе – в нашу темницу и к дознатчику, стал быть...

– По што так, хозяин? Разве я разбойник оружный, аль лиходей какой? Аль видоки каки на меня донесли за разбой какой на «тракте прямоезжем»..?

– Какой я тебе «хозяин», изгой!?! Кому така шваль нужна, как ты... хоть бы и «чернецом подневольным», аль «смердом» каким?

Путник продолжил оставаться спокойным, но стал выговаривать слова еще четче, хотя и до этого, казалось – дальше уже некуда:

– Ты, вой – «хозяин своей Жизни» и её возможного конца...

– Это про любого сказать можно. Даже и про такого, как

ты...

– Не правда твоя. У меня нет «имени» – и нет «Жизни» потому.

– Да, об чем ты гутаришь – не пойму. Ты ж – живой еще... пока... Как – нет у ты жизни-то?

– У меня нет «Жизни», есть только «путь-дорога» и конец оной.

– И где этот конец твоей «пути-дороги», когда он наступит, по-твоему?

– Когда найду «кровников» своих.

После этих слов старший опять переглянулся со своим напарником и на сей раз тот перехватил его взгляд и кивнул ему – как о чем-то давно им известном и само собой разумеющемся, и даже положил правую ладонь на притороченное к седлу копьё. Старший же положил правую ладонь на рукоять своей сабли и нахмурился:

– А... Вона што... другой совсем разговор тоды... Тоды точно – в темницу и к дознатчику нашему...

Старший развернулся в седле и посмотрел на конников позади себя. Почти сразу из-за его лошади выметнулся сторожевой пёс, ранее пристегнутый, видимо, поводком к седлу своего хозяина, и с угрожающим рычанием прыжками бросился на путника.

Тот опять остался спокойным, но его взгляд поймал взгляд атакующего его пса. Он внешне неспешно вытянул в сторону пса правую руку и скрутил «дулю» пальцами, а

потом негромко произнес странно прозвучавшие слова, как фразу на неведомом языке:

– Ш-ш-у-у-у – в-А-р-р-р... – последний рычащий звук уже совсем не походил на звук человеческой речи, а, скорей, напоминал утробное рычание медведя...

Его вытянутый к псу кулак развернулся из горизонтального в вертикальное положение, пальцы выпрямились и стали похожи как бы на лезвие меча. Пёс же – как будто налетел на невидимую стену, так резко он затормозил когтями на своих лапах по земле. А потом произошло совсем уж невероятное – свирепый бойцовый пес размером с маленького теленка присел на лапах, обмочился по себя, как кутенок... потом лег брюхом в свою мочу и, скуля, начал отползать назад себя и от путника подальше...

Старший разъезда подал знак – и остальные его воины начали веером окружать путника. Кое-кто даже сабли свои достал из ножен...

– Вона ка-а-к... – протянул старший, тоже покрепче сжавший рукоять сабли: Колдун али чаровник, а... кто будешь, изгой-кровник?

Путник спокойно пожал плечами:

– Не так... Из таёжных поморов я... Просто «слово» знаю... У нас дажно малыцы тако умеют...

– Просто – гришь... «слово»... и волка так остановишь..?

– Для него – другое «слово» надобно... но да... остановлю... если не «в гон», конечно...

Старший совсем уже по-другому... пристально рассмотрел путника, профессионально оценивая его, уже как воин воина.

– Распахни плащ, кровник...

Путник понимающе ухмыльнулся старшему, слегка кивнул и распахнул плащ на поясе.

– Опоясанный... булатом... витязь... северный... штурмовой... – пораженно зашептались не выдержавшие такого зрелища воины между собой.

Из поясных узорчатых серебряных ножен путника в правую сторону торчала витая мореным дубом рукоять булатного меча с огромным ограненным рубином в навершии.

Старший оценил древность полированной рукояти и ножен... родовые руны чеканки на ножнах не рассмотрел... потом сжал челюсти так, что желваки выступили на скулах... А затем одним слитным движением соскочил с седла своей лошади, бросил поводья своему напарнику и сделал пару шагов к путнику. Потом ударил себя по груди в районе сердца сжатым правым кулаком и выбросил вперед уже распрямленную ладонь правой руки в направлении солнца:

– Приветствую тебя, Витязь. Я – есаул Вышата, Всевеликого войска Донского... на службе у стольного князя Владимира. Прошу простить слова мои резкие и поношения, и хулу... Не ведал – кому реку сие...

Путник пожал плечами и грустно ухмыльнулся:

– Пустое, есаул Вышата. У меня нет имени. Мстигой я...

и больше – никто...

Есаул хмыкнул, но тихонько уже... Потом помялся и предельно уважительно начал:

– Прости... ежли чо... токо из легенд и сказов ведаю про таких... можно мне..? Нас вот дюжина супротив тебя..?

Путник понимающе кивнул и просто ответил:

– Все «легли» бы...

Есаул помялся и продолжил:

– Служба у меня... про «Орден серебряных поясов» не слыхал даже... только про «золотых»... на севере хде-то...

– Так и есть... но «Отец Ратный» мне так присудил... и в дар прощальный дал сей меч... его присуд – не мой... я б и вовсе не оружным пошел...

– Дар..!? – пораженно ахнул есаул и даже рот открыл... Потом со стуком захлопнул челюсти и совсем неуверенно продолжил свои расспросы: Но как же тоды это..???? «ОР» дар преподносит «изгою»... Великий такой... древний же..!??? Богатство целое... цены не имеет...

Путник вздохнул, но ответил:

– Имени я сам себя лишил... нет на мне позора, аль измены какой... Недоля така просто...

Есаул понимающе кивнул... помялся... и продолжил:

– Прости, конешно... но почему сюда к нам пришел..? Мы не ходили на поморов никогда... Ужель: варяги какие татями наскочили на вас... на твоих...???

Путник пожал плечами и кивнул. Есаул с заметным об-

легчением выдохнул задержанный в груди воздух... Расслабился внешне и спросил все же напоследок:

– А если те – на службу к нам..? Проще было бы «кровников» твоих сыскать...

Путник вздохнул и сухо ответил:

– «Не имеющий имени» может служить токо своей Судьбе... и Богине Карне...

Взгляд есаула скользнул в сторону и он промямлил почти:

– Понимаю... Но ты не очень... мало ли... у нас тут... Богов не поминают больше... так-то... только Христа... принято... теперь... князюшко... лютует...

Путник кивнул:

– Видел уже... целые деревни... в разоре... А еще сказывали: шо учеников волхвов и ведунов на кол сажают ноне...

Есаул кивнул и сжал зубы...

– И у нас даже – раздор в станицах... до усобицы доходит... Но куды деваться? У тя вон – «Отец Ратный»... был... а у нас – атаман приказал... служба... долг воев...

– Лихие времена настали...

Есаул кивнул и тяжело вздохнул... Потом он еще помялся и спросил с почти детской надеждой в интонациях своей речи:

– А ты слыхал про наших «богатырей»..? Илья из Муром..? Добрыня наш..? Алентий из новых энтих, по прозвищу «Попович»..? Вольга опять же Черниговский... совсем тут недалече – вон там... Ежли б с кем из них встренулся, а не

со мной...? Сдюжил бы..? «Пояс» супротив нашево «богатыря»..?

Путник пожал плечами. Но есаул уже «загорелся» и продолжал:

– Ну, ответь... будь ласка... очень прошу... они ж – силицы немерянной совсем... тура пополам рвут голыми руками... А..?

Путник усмехнулся и тихо промолвил:

– Про могучность иху – не ведаю... и про справность, как воев – тоже... А ты сам супротив тура да с саблей в руках-то..? Помогли бы ему его рога и могучность..?

Есаул даже рассмеялся и кивнул понимающе.

Микула вытер пот с чела рукавом рубахи, набросил поводья на плуг и решил отдохнуть немного... Его взгляд привычно уже с опаской обратился к проселочной дороге и он чуть не подпрыгнул от неожиданности... Буквально в нескольких шагах от него по дороге и по направлению к нему же шел путник в сером плаще незнакомого покроя. Седой на всю голову, хоть и молодой еще пока... Микула не слышал его шагов по дороге, хотя тот уже совсем к нему подходил... Ступал он ровно и свободно, не крался совсем, но ступни его сапог ступали по дороге совсем безшумно почему-то... и даже пыль не поднимали совсем... как призрак стелился, а не шел как будто...

Микула засуетился правой рукой, то славицу начав, а то креститься начал в итоге и забормотал всё подряд:

– Чур меня... то есть, спаси Христос... отведи лихо... ох...

Путник же остановился в трех шагах от него, взглянул без улыбки на лице, но спокойно и уверенно:

– Здрав будь, хозяин. Боги – тебе в помощь, хлебороб... Далеко ли твоё селение, аль деревня, али хутор твой..?

– Я – Мык... я – не хозяин... Мыкула я... Деревенский... Вон там... за тем перелеском...

Путник взглянул в указанном направлении, кивнул усталю... Потом посмотрел на крестьянина, понял – что тот отдыхает сейчас и присел на обочину дороги. Взглянул снизу в лицо переминающегося с ноги на ногу мужика:

– А меня зови Мстигой, Микула. Я – из северных поморов... Странник я... скиталец... С прямоезжего тракта вот в вашу сторону свернул... Отдохнуть мне надо... У кого в твоей деревне остановиться можно – скажешь..? Али «дом странноприимный» есть, можа..?

– А? Нету уже... спалили его... надысь... Тебе на ночь, аль дольша..? Ежли на ночь токо – мож – у меня...

Мстигой подумал... пожал плечами и признался:

– Сам пока не ведаю... Токо... Лучше бы мне... не мешать никому... еды куплю у тебя... а спать... нет ли халупы какой брошенной..? Хаты нежилой совсем..?

Микула настороженно посмотрел на странного незнакомца и пожал плечами:

– Да почитай – полдеревни не жилых хат стоит терича... Хто съехал отседа совсем... кого... крестили... так... совсем... што... Ты Богов наших не поминай в деревне-то... а то – мало ли... Есаул со сворой своёй почти каждый дён заезжает... к нам... строго у нас тут с энтим...

Мстигой кивнул:

– Уже... переведался с ним... недалече тут... тож упреждал меня в энтон...

Микула вытаращился сначала на путника... потом, неуве-

ренно уже опять, произнес:

– Ну... дык... я упредил... на всякий... мало ли... А ты, знать – не крещен ишо..?

– Нет. И не буду.

– Ага... Вона как... ну, што ж... Я – просто мужик... не моё дело... не приписанный пока... свободный, то исть...

Он помялся, не зная: что еще сказать... Потом спохватился:

– Пустые хаты... все равно... родичи там остались... не дело это... токо... есть кузня пустая... совсем за леском вон там... кузнеца сказнили... он приймак был... ежли чо...

Мстигой кивнул:

– Самое то – для мя, Микола. Кузница – самое то...

Микола оценил уважение в словах странника и расслабился. Даже присел тоже на землю. Потом спросил:

– А ты, молодой.... По какому делу к нам сюда..? Не из офеней... не по торговому делу, то исть... не воин, хотя похож... пеший опять же...

– Я – изгой, уважаемый... В приймаки не пойду, ежли чо... ни к кому... и служить не буду... никому... Отдохну вот у вас... к Глебу вашему в Чернигов схожу... там видно будет...

Микола опять вытаращился:

– К Глебу..? Эт к князю нашему, то исть..?

– Ага. К нему...

– Ага... Што ж... дело... к князю... што ж... да...

– Нет. Не к князю дело у меня... просто он может знать... про моё дело... вот и спрошу...

Микула крепился некоторое время... потом не выдержал:

– Мил-человец... Да, тебя на порог гридницы его не пустят даже..! В плети сразу – токо близко к его гридням подойдешь ежли... Чо уж о самом Глебе грить-то..!!

– Зазнался, стал быть...

Микула даже руками всплеснул от пораженности:

– Да – не то слово..! Чванится – што там стольный киевский Владимир...!

Мстигой усмехнулся и загадочно ответил на это:

– Ну... хто высоко поднялся – тому дольше падать будет... ежли чо... когда-то... и всем...

Микула пораженно рассматривал собеседника несколько мгновений... потом вдруг тоже усмехнулся:

– И верно... Хорошо вам... северным... Вы человецами остались... вольными... даже в речах...

– А вы..?

Микула только рукой обречено взмахнул в ответ. Потом сказал:

– А мы – подневольные совсем... аки рабы какие... холопы по-нонешнему... приписные к попам...

Несколько часов Мстигой отдыхал на опушке леса в теничке... Потом пришел Микула, как сговаривались, и проводил его за лесок в брошенную кузницу и показал там всё...

Мстигой ходил за своим провожатым и удивленно хмыкал... Кузница и всё хозяйство оказались не разграбленными и в полном порядке – как будто бывший хозяин просто ушел куда-то на время. Только живности в хлеву и в подворье никакой не было само собой...

В кузнице был идеальный порядок и много запасов самых разных для ремесла сего. В последнюю очередь они осмотрели хату-мазанку, состоявшую из четырех комнат. Потом вышли на крылечко и присели на нижний приступочек там.

– Я детскую видел комнату... много детей у него было..?

– Пятеро. В монастырь забрали всех. А жинку его вместе с ним... порешили...

– За што?

– За Веру. Не схотел креститься, как все мы... Получелик Лютый самолично его... и её... саблей... прикопать велел... но мы потом тайком на кроду их выкопали... как положено... мы всех выкапываем... потом... токо домовины оставляем на месте... опять закапываем... на всякий...

– И хто сей «получелик Лютый»..? Из Вышатовских подручных..?

– Што ты..? Вышата – справный есаул... Он со своими токо дороги блюдет и границы, а расправы Получелик тварит... За то и прозвище тако – саблей любит головы сносить по челу пополам аккурат... Стоит потом и смотрит на срубленную голову-то... або ищет чево тама... Князя нашего Глеба – прислужник... Ты эта... ежли чо... я мальчика при-

шлю свою... и ты сховайся в лесу вон... Он долго ждать не любит... ярый... спалит кузню снова... но зато ты жив будешь...

– Почему так, Микола..? Кузня всей деревне вашей нужна, я – же пришлый и прохожий... пришел и всё одно уйду куда-то... Как сельчане на тако посмотрят и присудят..?

Микола покряхтел с досады... почесался... потом начал объяснять:

– Я считай – староста... нас меньше трети осталось тут... от бывшего-то... А ты всё ж – жива Душа... северянин опять же... родной Веры нам... А кузня што ж... другу построим... куда будет кому...

– Благодарю душевно, Микола-староста. Но упреждать меня не надо... лишнее это... и прятаться я ни от кого не буду... не с руки мне... совсем наоборот... служилых поразспросать – самое то для мя... А там – как боги ведают и судьбы прядут нам всем... Ты же и остальным скажи – шоб говорили так – чужак пришел неведомый и самоправный какой-то... боимся его и не ходим туда даже... або призрак какой белый совсем, або альв какой...

– Ладно.

Они помолчали... Потом Мстигой спросил тихим голосом:

- А пошто вы не съедете все...? Хоть бы и к нам в парму..?
- Родина тут... предки... наша земля...
- Думаешь – наладиться когда-то тут всё..? Стерпите и

потом наладится..?

– С Почину Великого тако было... и опять будет...

Они опять помолчали. Но потом Мстигой сказал все же:

– Не будет, отче. На чем твои домашние живут? Чьим умом, волей, умениями и порядком живут?

– Моими.

– Так. А если твоё всё сравнить с родами нашими? Чьими Знаниями и умениями рода живут?

– Волхвов и жрецов, кудесников и ведунов... они все Поконы наши блюдут...

– А их ноне изводят во перву голову, а потом уж токо за вас примаются...

Микола заерзал на своем месте... опять почесал себе спину, натруженную и многожды вспотевшую на поле за день...

– Ну... вы скоро придете войском к нам... и порубите супостатов наших... выморочных...

– Штобы дойти сюда... нам перешагивать через «Вышат» ваших придется и прочих... детей ваших... Кто так-то сможет и схочет..?

Микола аж закричал от нервов своих... обхватил натруженными ладонями голову и замычал, как от зубной боли нестерпимой... До него дошла спокойная правда и сила слов Мстигия...

– Завтра сказ будет мой, Мстигой-ведун. Думать буду те-рича крепко над словами твоими... Пойдем ко мне вечерять щас..?

– Благодарствую за честь и вежество, староста. Однако – откажусь ныне. Надо полы намыть в хате, прибрать тут всё от пыли да паутины... домового почествовать, приبلуд прогнать, ежели набежали на нево...

Попутру, как сошли росы, со стороны деревни из-за выступа лесного к кузне прибежала ватага деревенской детворы. Не всякой, а только отроки да девчата тех же лет примерно. У ворот досчатых, что стояли крепко в отличие от поваленного по сторонам тына, и которые Мстигой закрыл на ночь, ребятня встала, блюдя обычай, и загомонила промеж собой. Мстигой вышел из кузни, где заводил уже огонь в печи, подошел к воротам и открыл левую створку.

– Доброго тебе утречка, дядя прихожий. Я – Званко, сын Микулы. Меня родители с подарочком тебе прислали... Вот тут... крынка молока утрешнего, каравай хлеба, соль и прочие разности-приправы... Не обезсудь... Ежли чо – я еще до хаты сбегая и принесу. А еще тятя наказал спросить – мож, помочь чаво по хозяйству? Дак, мы – со всей радостью тогда...

– Здравия вам. Благодарствую, Званко... Проходите, молодые хозяева. Гостями первыми у мя будете.

Большинство ребят растерялось даже от таких слов Мстигой... Уж слишком уважительно он к ним обратился. Как ко взрослым совсем... Потому смешки и перешептывания стихли разом, только взгляды друг на дружку кидали, пока

шли до подворья вслед за пришлым и седым на всю голову дядей-чужаком...

– Вот тут под навесом и сидайте, гости дорогие. Щас я вас напитком особым угощу.

Ребята расселись на лавки вокруг стола под двускатным навесом, что примыкал почти к кузне и только головами крутили вокруг, как будто первый раз тут всё видели...

Мстигой же кивнул одной дивчине и ушел с ней в хату... И вскоре они вернулись оттуда. Калинка несла поднос с деревянными чарками, а Мстигой – большой чугунный казан с крышкой и деревянный половник.

– Званко, окажи мне честь – и будь «хозяином за столом» этим – разломай на всех каравай, што принес для меня. Я всё одно не утричаю никогда. Привык так.

Сам же Мстигой вместе с помогающей ему Калинкой разлил из казана напиток по чаркам... И попросил Калинку и дальше разливать добавки, коль попросят...

– Простите, гости мои, за скудъ угощения нонешнего, но, как грится – «чем богаты, тем и рады»... А теперь – попробуйте... А ну... кто угадает – из чево я напиток сей сварганил..?

Детвора пригубила, уткнувшись носами в чарки, зачмокала, потом закрутила русыми головами, переглядываясь... Потом посыпалось, как горох, со всех сторон: «малина... яжевика... брусника... гонобоб... калина... рябина... вишня... черника... а самый скус – клюква... морошка... обле-

пиха... смоква... боярышник... смородка... крыжовник... земляника... голубика... шиповник... клубника... може-вел... костяника... тёрн... слива... алча... китайка... черна-рябина... черёмуха...»

Мстигой улыбнулся скупо и покивал добродушно:

– Молодцы да умницы... Две трети угадали сразу... глазастые да разумные не по летам... Эт – «сороковый сбор», робяты милые мои...

Кто-то по-девчачьи ой-кнул, не сдержавшись... Мстигой посмотрел на Калинку вопросительно, она и бухнула:

– И тятя и баба мои говорили: что малая жменя «сорокового сбора», что знахари проворят – золотой стоит на торжище Черниговском... На пирах княжеских – токо самому князю и домашним его такое подают, да в малых чарах зовсим...

Все разом притихли и во все глаза уставились на дядьку. Он же усмехнулся и покивал опять:

– Ну, и славно. Бум считать – и вы на пиру том побывали терича... Да на самых почетных местах сиживали...

Ребятня однако не повеселела и продолжала сидеть притихшей... Званко и добавил:

– А мой тятя сказывал – что монастырские у князя нашево сторговать наш остатник станишный пытались за 5 золотых всего... Не сторговались токо... князь червонец златых схотел... а те заупрямились... А ты, дядько, в акурат на червонец такой угостил нас тута... не меньше... ато и больше

будет...

В воздухе над столом повисло некое напряжение, так мальцы ждали слов ответных от странного дядьки... Он же печально покивал в ответ и, через силу будто бы, отвечал такими словами:

– Пустое это... Нельзя людей живых и землю родную ни за какие деньги продавать никому... Не кручиньте свои светлые головы, мальцы... Глазами замечайте, ушки – торчком, а нос поветру, конечно... однако и жизни радуйтесь каждый дён... детство пройдет – тогда и забот полон рот станет... а пока...

Ребятня заметно повеселела, однако некое напряжение осталось и все: кто прямо, а кто исподволь, на Званко поглядывали... И он оправдал своё явное атаманство среди них:

– Дядь Мси... Мстигой... А ишо я подслушал тятю вчерась... как он с мамой говорил... про тя... сказывал... што ты – странный, конечно... но не прост зовсим... а – чистый ведун по уму и знаниям своим... и воин справный и хозяин рачитый по всему... Вот мы и присудили сѣдни – у тя уму-разуму поучиться... Не прогонишь, дядь..? Мы – мальцы, конечно... но и от нас толк будет, ежели научишь чему... а то и сами... по хозяйству там чаво... прибраться... дров натаскать... ну, чаво хошь – готовы в помосць те... А, дядь..?

– Калинка, ты чево расслабилась..? Наливай всем опять... Вишь – допили уже... Да теперь сначала крошек хлебных посмакуйте сперва во рту... а потом уж сурицу испейте...

полный рот вкусов разных будет так-то... Со ржаным хлебушком оно – самое што ни на есть ладное дело-то...

– Дядь Мстигой, можно мне спросить...? – Калинка, аккуратно разливая напиток по чаркам, разругалась аж вся от смущения, но продолжила: Я у бабушки учусь травам и снадобьям всяким... она сказывала про сурью на меду – што её на солнышке несколько дён выстаивать надобно... мёд я почуяла, конечно... но рази ево сушат..? Аль это северное знахарство како, кудесничество..?

– Хороший вопрос... Не сушат, конечно... Но тут не мёд добавлен, а маточное молочко, прополис и перга... Потому много дён и не надо, шоб напиток сей в сурью истую превратился... Помешивать в горячей воде посолонь и при лике Ярилином – и вся недолга... А ты тако и проворишь щас...

Званко вежественно подождал, но Калинка уже и сама пригубила чару свою, тогда он посмотрел на Мстигоя, как бы понуждая его на ответ на свой вопрос... Тот вздохнул про себя и начал говорить:

– Лихое время щас, Званко... А я – притягиваю лихо к себе... Судьба, видать, така у мя... Беда с вами случиться может – просто за то, што ко мне ходите сюда... Понимаешь мя и об чём я..?

– А мы – тишком, дядь... Станишники не скажут никому из чернушников энтих... ручаюсь...

Мы не обузой те будем, а помощниками... хоть в чем, што осилим... А, дядь..?

– А у родителей своих позволения спросили на тако..?

Званко покрутил головой, осмотрев все лица и признался:

– Не все пока... токо половина... Я ж всех ишо вчерась упредил... а поди вот... кто за былые шалости побаивается – вместо позволения оха схватить, кто время подходящее для сего позволения ждет... но к завтраму – все получают... так думаю... До завтра тоды, али как, дядь..?

В полной звенящей тишине, прилетевшая на запах сурьи, пчела, кружащая над столом – создавала настоящий шум... Дети плавными движениями ладошек отмахивали её от своих чарок, но смотрели все на Мстигоя, напряженно, но и с надеждой в глазах ожидая его вердикта...

– Ладно тода... Но токо по Уставу строгому... Первый мой присуд-уговор наш такой будет... Любое слово моё сразу в миг выполняете... А вопрошать – што, зачем и почему токо вечером позволяется... Согласны?

Враз повеселевшая ребятня загомонила на все голоса и закивала светлыми головами своими... Званко тоже со ртом от уха до уха подождал немного, потом цыкнул негромко и все притихли разом... Мстигой оценил такое по достоинству и бросил на него уважительный взгляд...

– Тогда вот вам, хлопцам всем – первы два урока... Двое лезут на тот вон дуб и делают там насест-засидку... верви и сучья в кузне возьмете... И по череду тама дозорный сидеть будет всегда... хто бы ни шел, ни ехал в энту сторону – свист подаёт и вы все без исключений – мигом в лес и по

тропе тайной – до станицы тикаете... Остатние все щас сию тропу и лажить будут... я покажу – как... Ветки живые не ломать, только сухие, об кои глаз в потемках выколоть можно... листвою, да иголками хвойными выстелить – шоб следов от вас не было, дажно ежли дождь пройдет... Девчатам – сбегать в станицу, купить провизии всякой, я скажу – какой... потом обед на всех готовить и прибираться везде... Я вчера начал пыль, пауков да пацюков гонять – но не закончил... большое хозяйство уж для меня одного-то...

В полдень Мстигой собрал работничков под навесом. Все были рады посидеть в тенечке после трудов праведных.

– Званко, хто из хлопцев ратному делу обучался..?

– Токо я и побратим мой вот Данилка.

– Побратим, гришь... Любо, но ранёхо верно – так именоваться... Ну, да рано – не поздно. Будете тода по чреде «старшими послухами» моими для остатних всех.

– В засидке по полдня сидеть будем, как указал ты нам... – кивнул согласно сын Микулы-старосты.

– Не так. Ярилины часы щас сладим – шоб и оттель видать их было. И по часу чредоваться будете. Шоб не отставали в учебе друг от друга ни в чем...

– Дядь, Тигой, а ты нас учить чему будешь..?

– Ратному делу. Первое умение всегда для отроков. Остатние – приложатся, как сами схотите и к чему душа ляжет... да потянется...

Он помолчал, переживая явную радость переглядывающейся ребятни.

– И нас учить будешь, дядь Тигой? – с надеждой в голосе спросила Калинка.

– Вестимо – да. Но не как парубков. У вас свои Устои и ухватки будут. Наперво скажу главное. Запоминайте накрепко и сразу. Три Устоя для Мужей есть: Тор, Тур и Бер. Тор – ухватки с Силой вихря смертного, жгона... Тур – Сила прямого разгона, што камни стены рушит... Бер – Мощь всего вашево тела, наполненного Силами Мати Сырой Земли – што рвёт плоть и материю на части... Три Устоя для Жен есть: Водоворот, Змейка и Стрела.

Для Мужей – Сила жгона всегда противосолонь крутится – на выброс вовне. Накапливается вся в теле – да вон выходит – крушить врагов наскрозь али большое на малое делить. У Жен же – иная Суть-Задача. Вращение жгона всегда посолонь – на захват и оборот всех Сил снаружи идущих. Водоворот – Взятая Сила нападок на вас и оборот ея супротив нападаника. Змейка – Сила нападаника али внешняя, коей опутываете да перемешиваете до полного ступора. Стрела – Сила смертного укола на разрыв али паралич Сути: тела ли, ево ли линейных Сил в теле нападаника.

По одной ухватке в три дня – показывать буду.

Но начнем мы с другова щас. Ладка тела – во первых, сладное дыхание – во вторых... Вся Сила ваша – в сладном дыхании кроется и нигде больше. Основа-Устой сие есть.

Ну, каки вопросы ко мне. Говори, Званко, вижу – невтерпеж ужо...

– Дядь Тигой... нам с Данилкой друго наставники сказывали. Что Сила вся – в Живе, а она везде в мире есть... А у нас она в животе тaitся... ниже пупа вот тут...

– Верно сказывали. Так и есть. Но в камне Жива связана и спит как бы, в травах и древах – с соком течет внутри, у животин и нас – токо живая она вполне, но токо мы разумные – можем ея изменять и на любые нужды наши спроворить...

– Как же это..? И почему тода ты сказал – что она в сладном дыхании кроется?

– Сила внутри нас живет, Сила и снаружи везде и во всем есть. И сродственны они. Надо токо учиться вам сродство сие восстанавливать по нужде любой. А сие как раз через сладное дыхание и можно токо... Оно – и ключ и замок и сам тайник Силы... Душа твоя, Званко, и камнем была, и травкой, и деревом, и животиной разной... надо токо напомнить телу – каку часть и Силу сродства попользовать по нужде...

– Чудно... А показать можешь... хоть на самом простом чём – как сродство становится тако..? Как дыханием сладить непосильное до того..?

Мстигой улыбнулся и покачал седой головой в ответ на радостные ожидающие взгляды детворы:

– Сами чудесничать будете... себя и друг дружку дивить несказанно... Я же никогда ничо такова вам показывать не стану... Выбирай пример сам любой, Званко. На што глаз

твой ляжет – тому и научу щас для примера.

Отрок покрутил головой, оглядываясь вокруг, подумал... Данилка подергал его за рукав на локте, но Званко уже и сам придумал:

– Вот, дядь Тигой... Каменюга посередь двора лежит... Бревно мы с Данилкой тащили было, но ты нас остановил... не дал унести ево к плетню – как мы хотели... а потом каменюгу эту вывернуть собирались и откатить туда жо... Ты сказал – тут ратная площадка для нас будет... Вот как Живу, спящую в каменюге сей – попользовать мне можно для примеру ежли..?

– Молодец, Званко... Так и надо – от простого к сложному... С валуном – самое то будет... Спящая Сила... Щас, токо в кузню схожу... я там тоже трудничал, пока вы тут прибирались и порядок наводили... как чуял – уже седни понадобиться...

Мстигой сходил в кузницу и принес ремень кожаный и широкий... Все дружно подошли потом к камню и Мстигой вывернул его из земли, откатив чуток от ямки...

– Попробуй поднять его, Званко... но не усердствуй больно... шоб пуп не развязался случаем...

Отрок обхватил руками в целом округлый камень и попробовал его приподнять. Пошевелил в итоге, но только и сумел слегка оторвать его от земли и то весь покраснелся от натуги и взмок – вся рубаха на спине темной от пота стала вмиг...

– Тяжела тяга земная сего камня, дядь Тигой... Не по силам мне пока...

– Угу. Как же... А теперь с побратимом вдвоем попробуйте...

Оба отрока с энтузиазмом ухватились с двух сторон за камень и подняли его на уровень колен... отнесли чуть в сторону и уронили с облегчением на землю...

– Откатить лучше будет... – признал итоги их усилий Званко.

– Ага. Но ты хотел чудеса сладить и сам при том... Вот щас и получишь сие... Разминаем руки... Гляди и повторяй за мной...

Мстигой раскрутил в плечах прямые руки вперед себя и с резким выдохом «ха» остановил их перед собой – как будто ударил двумя сжатыми кулаками по столешнице перед собой. Все ребята сразу начали повторять движения, а не только Званко. «Захакали»... Потом Мстигой раскрутил руки назад себя и с выдохом начал останавливать их уже по бокам и сзади...

– Хватит. Гудят руки? Хорошо... Теперь попрыгали вверх. Прыжок поменьше, следый выше. Поменьше – выше... Штоб в животе што-то вверх подпрыгивало вслед за вами... Вот тут... Теперь вот што... Останови это в животе наверху как бы...

Мстигой опоясал Званко поясом и затянул его через специальные петельки потуже...

– Не сильно? Дыхалку не спирает? Вот и ладно тогда...
Теперь скажи мне – какой Устой для Мужей – Силой Земной управляет?

– Бера ты сказывал...

– Тогда беру и подражай послед за мной...

Мстигой присел, раскосолапив ноги, и руки дугой перед собой выставил со скрюченными, как у лап бера, когтями-пальцами... Покачался из стороны в сторону, подражая медведю, а потом так же в раскачку и пошел боком вперед... Детвора повторяла за ним, сопя от усердия...

– А теперь одному Званко – урок, остальные все – токо смотрят... Дыши, как я...

Мстигой начал дышать через открытый рот часто, почти как собака. Чередую частоту вдохов-выдохов с замираниями дыхания и резкими выдохами опять...

– Гляди, Званко... Щас берешься за камень сей и начинаешь его раскачивать на весу вот так... А сам бочком наискось и семеня ногами по-берьему – тащишь его к воротам вон туда... Дыхание вот так делай... Не вглубь груди, а поверх ее как бы... И чрез руки свои и ладони дрожь той Хары, в животе поднятой вверх, в камень передавай... штоб и он дрожал слегка как бы от Силы твоей Живы... Повторяй за мной...

Мстигой встал напротив парня и стал изображать поднятие воображаемого камня, раскачиваясь корпусом и переминаясь с ноги на ногу по-медвежьи. Званко повторял за ним,

взялся за камень ладонями, легко поднял его почти до уровня пояса своего и засеменил параллельно и вслед за Мстиго-ем к воротам... Там он положил его на землю и распрямился вслед за наставником.

– Теперь попрыгаем... и Хару вниз опустим, хде ей при-вышно быть... Страхиваем напругу с тела, рук и ног... штоб Сила твоя не застоялась хде и вредить твоему телу не спочала вдруг...

Все дружно попрыгали, выровняли дыхания... А потом все притихли, разглядывая: кто валун, неподъемный с виду и для всех, кто – Званко, а кто – наставника со Званко разом...

Званко же совсем задумался и смотрел только на валун... Потом неожиданно нагнулся и попытался его опять припод-нять, просто задержав дыхание... И опять едва смог его от земли оторвать. Распрямился, отряхнул ладошки и взглянул прямо в глаза Мстигоя:

– Дядь Тигой... я сам эт сделал... или ты спомог всё же..?

– Сам. Я токо показал тебе – как... и подсказал советами и наглядом, само собой... Терь и остальных учи сему... Толь-ко камни полегче выбирай чуток... Этот – только Данилка, верно, осилит... И пояса я еще не сшил для вас всех... так што – погода чуток... завтра, аль послезавтра урок сей учить будете... Пока же – вертаемся на «плешь ратную» и буду вам уроки сладного дыхания учить разные... Это, што шас по-казал – токо для боя воше-то... в боевой раж воя переводит сразу... и опасное оно для начальных послухов-то... Просто

– ты чуда схотел, вот и свершил ево сам... Не забывайте и помните токо одно... Вы – разные все... хто в чем свою Суть, Меру и Венец имеет... Хто – тяжести таскать, хто – чурки колоть, хто прыгать выше всех, хто бегать... Каждому своё причитається... умеете хоть чуть – как все урок какой делать – и ладно... Не пыжтесь, не упирайтесь до кровавого пота – шоб от всех в чем-то не отстать... У каждого – своя Стезя и Судьба своя... и Венец у каждого – свой и на другой ничей не похожий ни разу... Примечайте – у ково лучше всех ухватка кака или урок получается – у него и учитесь... друг у дружки... токо и ухватки все у каждого по-своему получатся будут... хоть в чем да будут отличия... Главно – крупных ошибок не делать и телу своему не вредить ненароком...

На следующий день Мстигой установил посредине тренировочной площадки толстый и высокий, в три своих роста, дубовый столб. На верху столба на кованой ступице было закреплено тележное кованое же колесо с восемью спицами. Званко с Данилкой принесли от дуба гладкую жердину, по которой страж спускался с засидки, накидывая свой ремень и мигом соскальзывая, ухватившись за намотку сию – и взобравшись по ней наверх, привязали дюжину веревок к колесу...

Когда дело было закончено, все сгрудились вокруг Мстигоря и столба. Один из младших отроков Василь спросил:

– Дядь Тигой, эт – каруса така для нас аль чаво..?

– Это кумир дедушке Перуну... Но шоб чернушники не наехали и не порушили – я на ём лики и руны вырезать не буду... Пусть карусой будет с виду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.